

[00:00:10] [Начало записи]

Константин Бабкин: Мы сегодня обсуждаем вопрос, как реализовать стратегию. Для начала предлагаю определиться – какую стратегию мы будем реализовывать. Сейчас Владимир Самохвалов нам представит стратегию, которую мы разработали в Торгово-промышленной палате. Борис Юрьевич представит, еще раз напомним нам, стратегию Столыпинского клуба, и потом обсудим, поймем, – это одна и та же стратегия, либо это разные стратегии. Это первое. И второе, обсудим, как убедить президента взять эти стратегии к реализации. Первое слово предоставляется Владимиру Самохвалову. Это руководитель консультационной компании SBS, которая участвовала в разработке стратегии ТПП. Пожалуйста.

Владимир Самохвалов: Добрый вечер, коллеги. Хотел бы вас поприветствовать на форуме. Хотел бы отметить, что обсуждение альтернативных вариантов стратегического развития страны сейчас, действительно, актуально. Поскольку официальные прогнозы, которые мы получаем, они базируются на крайне пассивном сценарии развития нашей страны, на пассивном участии органов государственной власти в стимулировании экономического роста и, по сути, предполагают реакцию просто на некие международные тенденции, международные геополитические тенденции.

Официальные власти считают, что максимальные темпы роста, на которые можем выйти, это один, максимум два процента роста в год. Тем не менее, мы знаем, что цель по экономическому росту озвучена. Владимир Владимирович поставил задачу разработать стратегию, которая позволила бы выйти на темпы роста, превышающие среднемировые. И мы предлагаем ориентироваться на то, что экономика наша должна расти темпами свыше пяти процентов в год. Поэтому я хотел бы представить необходимые шаги, которые нужно сделать для того, чтобы сделать на данную траекторию развития.

Сразу же назову две отличительных особенности предлагаемой стратегии. Во-первых, мы считаем, что катализатором роста должна выступить обрабатывающая промышленность, поскольку обрабатывающая промышленность имеет максимальный потенциал для роста. И, кроме того, она обладает максимальным синергетическим и мультипликативным эффектом для экономики. Во-вторых, что очень важно, мы предлагаем не обсуждать сейчас институциональную среду, поскольку в мире много примеров, когда экономики с недостаточно развитыми институтами росли максимально быстрыми темпами. Мы понимаем, что институциональной средой нужно заниматься. Тем не менее, считаем, что стратегия должна сосредоточиться на устранении тех факторов, которые мешают конкурентоспособности российской продукции. И без устранения этих факторов, в принципе, о быстрых темпах роста говорить не приходится.

Как вы знаете, в прошлом году у нас обрабатывающая промышленность снизилась. В принципе, если посмотреть ретроспективу с 2002 по 2015 год, то можем видеть, что по темпам обрабатывающей промышленности мы отставали от многих развивающихся стран.

[00:05:04]

Если в целом наша экономика, наш обрабатывающий сектор вырос на 42%, то в Польше обрабатывающий сектор вырос на 170%, в Чехии, в Корее, в Турции обрабатывающая промышленность удвоилась. По экспорту мы точно так же отстаем, и что очень важно, мы отстаем по доле занятых в обрабатывающей промышленности по сравнению не только с развитыми странами, но и с развивающимися странами.

Мы считаем, что слабые результаты обрабатывающих секторов являются следствием, по сути, слабой экономической политики. Неправильно считать, что наша экономика, наша промышленность не развивается потому, что все предприятия производят продукцию недостаточного качества. Мы считаем, что ключевая проблема – это то, что созданы такие условия, при которых, даже если наши предприятия начнут производить лучшую продукцию, все равно мы не сможем конкурировать с зарубежными странами, в первую очередь, например, с Китаем.

Мы сравнили себестоимость производства отдельных видов продукции в разных странах. И показываем, что в настоящее время, к сожалению, себестоимость производства мебели у нас выше, чем в Европе на 20%. Себестоимость производства тканей выше, чем в Юго-Восточной Азии на 10-15%. Себестоимость производства тракторов даже выше, чем в Канаде, я уж не говорю про Китай. И ключевыми факторами, влияющими на высокую себестоимость, являются процентные ставки, налоговая система и высокая стоимость комплектующих.

Поэтому в нашей стратегии мы предлагаем сфокусироваться на трех направлениях: на реформировании принципов внешнеторговой деятельности; на формировании стимулирующей налоговой политики; и на совершенствовании денежно-кредитной политики. Еще раз хотел бы подчеркнуть, что это не значит, что не нужно заниматься институциональной системой. Надо. Но без реформ в данных направлениях говорить об ускоренном экономическом развитии не следует.

При разработке направлений госполитики мы учитывали, безусловно, опыт, накопленный. Во-первых, мы учитывали опыт выхода страны из кризиса 1998 года. Во-вторых, мы учитывали Толковый тариф Менделеева, который применялся в конце 1919 года. Напомню, что в конце 1919 года реализация разумной протекционистской политики, которая предполагала не только защиту от внешних рынков, но и создание условий для развития производства, позволило в три раза увеличить объем обрабатывающей промышленности за 10 лет. Точно таких же результатов примерно удалось достичь после 1998 года, когда за счет устранения ограничений в экономике и создания просто условий для развития бизнеса удалось стремительными темпами выйти из кризиса.

Мы сформулировали принципы государственной промышленной политики. Они представлены. Подчеркну два главных момента. Первое. Мы считаем, что меры поддержки должны носить системный характер и должны быть направлены на все сектора. При этом необходимо создавать инструменты, которые будут доступны не отдельным предприятиям, а в целом всем игрокам в том или ином секторе экономики. Второй принцип, очень важный, это то, что приоритетом государственной поддержки должны стать все существующие промышленные предприятия, кто сумел выжить и кто

сейчас накопил опыт работы в постсоветское время. Мы считаем, что для обеспечения экономического роста нет необходимости искать какие-то отдельные точки роста. Если создать условия для развития промышленности, то бизнес сам решит, куда инвестировать, и экономика начнет функционировать самостоятельно.

Еще раз хотел бы подчеркнуть, что данные принципы могут быть использованы не только по трем направлениям, о которых мы говорим, – это налоговая политика, внешнеторговая политика и денежно-кредитная политика. Но точно такие же принципы можно использовать и при проведении политики технического регулирования, экологического регулирования, при реализации политики по антимонопольному регулированию, по реализации направлений по жилищно-коммунальному хозяйству и так далее. Остановимся на трех направлениях. Начнем с внешнеторговой политики.

[00:09:56]

Внешнеторговая политика в принципе выполняет в теории четыре функции. Во-первых, она задает условия конкуренции между отечественными и зарубежными производителями. Во-вторых, обеспечивает значительную часть доходов государства. В-третьих, является важным дополнением к внешней политике государства. И, в-четвертых, задает модель развития страны – то ли сырьевая, то ли технологическая. Так вот, в нашей стране, к сожалению, внешнеторговая политика выполняет исключительно фискальную функцию, а должна быть увязана со всеми направлениями, касающимися повышения конкурентоспособности отечественных производств.

Если мы посмотрим на объем прямой государственной поддержки экспортеров, то мы увидим, что существующий объем поддержки кратно отстает не только от развивающихся стран, но и от развитых стран. При этом хотел бы отметить, что те инициативы, которые сейчас реализует Министерство промышленности, и по созданию специальных порталов, и по созданию Российского экспортного центра, они, безусловно, необходимы. Но без значительного пересмотра подходов к экспертной поддержке, эти инициативы останутся какими-то такими штучными, ручными и не позволят придать импульс для развития нашей страны ускоренными темпами роста.

Безусловно, нужно отметить, что вступив в ВТО, мы значительно ограничили свои возможности по использованию внешнеторгового регулирования. Тем не менее, считаем, что все же возможности остаются. У нас три варианта. Мы либо можем обходить ограничения, существующие в рамках ВТО, либо реформировать ВТО изнутри, либо вообще принять решение о выходе. Конечно, решение о выходе является крайней мерой. Мы считаем, что существующего инструментария в принципе достаточно. И этот инструментарий нужно использовать максимально эффективно.

Речь идет как об экспортных и импортных пошлинах, которые допустимы в соответствии с условиями вступления в ВТО. Речь идет о нетарифном регулировании, об экспортной поддержке и о юридической поддержке в рамках торговых расследований и в рамках членства в разных ассоциациях.

Каковы наши рекомендации в области внешнеторговой политики. Их пять. Первое. Мы считаем, что необходимо обозначить основным приоритетом политики в области внешнеэкономической деятельности создание условий для развития не сырьевого производства, конкурентоспособного, как на внутреннем рынке, так и на внешнем рынке. Этот, казалось бы, простой принцип на самом деле означает, каким образом должны решаться вопросы о каких-то импортных пошлинах в отношении полуфабрикатов или в отношении сырья. Поскольку речь идет о том, чтобы создавать продукцию с высокой добавленной стоимостью, значит, пошлины на полуфабрикаты должны быть по возможности минимизированы, в соответствии с условиями, на которых мы вступали в ВТО.

Второе. Признать возможность и целесообразность активного использования допустимых в рамках ВТО тарифных и не тарифных способов повышения конкурентоспособности продукции. Надо сказать, что Министерство промышленности сейчас активно использует этот принцип. Тем не менее, мы хотели, чтобы этого принципа придерживались и другие органы власти. И вопрос о целесообразности поддержки отечественных производителей, в принципе, уже не обсуждался.

Третье. Необходимо активизировать борьбу за интересы российских производителей на международной арене. Необходимо кратко увеличить объем экспортной поддержки. Объем экспортной поддержки можно будет увеличить, в том числе, за счет использования избыточных золотовалютных резервов. Об этом мы будем говорить позже.

Четвертое. Очень важно, что уровень защиты и экспортной поддержки должен определяться не волюнтаристски, а на основе расчетов по конкурентоспособности производимой продукции. И экспортные, импортные пошлины, и объем субсидий должен быть таким, чтобы выравнять условия функционирования бизнеса в России и за рубежом.

Переходим к налоговой политике. Уже не раз сегодня было сказано в рамках форума, что текущий уровень фискальной нагрузки крайне высок. Уровень государственных изъятий из экономики составляет 40% от ВВП. Есть эксперты, которые говорят о том, что невозможно сравнивать российскую экономику с другими, поскольку у нас большая доля добывающей промышленности. Тем не менее, если мы вычтем экспортные пошлины, все равно окажется, что уровень государственных изъятий, по сравнению с Китаем или США, у нас выше в два раза.

[00:15:03]

Наша налоговая политика, к сожалению, выполняет исключительно фискальную функцию и не стимулирует развитие обрабатывающих секторов промышленности. Мы знаем, что последние три года в нашей стране реализовывался налоговый маневр, который заключался в увеличении ставок НДС, в увеличении акцизов и в снижении таможенных экспортных пошлин на сырую нефть. В результате, это привело к росту цен на энергоносители на 15-30%. И это даже несмотря на то, что последние три года у нас цена на нефть снижалась, и происходило укрепление рубля.

Кроме того, если посмотреть на уровень налоговой нагрузки, то выяснится, что уровень налоговой нагрузки значительно отличается в машиностроении от металлургического комплекса, например. Если в металлургии отношение налогов к выручке составляет семь процентов, та же самая ситуация и в химии, то в машиностроительном комплексе отношение налогов к выручке составляет уже 25-30%.

Система налогообложения физических лиц, по сути, у нас является регрессивной. У нас существует плоская шкала подоходного налога, но при этом существует регрессивная шкала социальных взносов. В результате получается, что работодатель, собственник или руководитель предприятия обрабатывающей промышленности в реальности налогов платит на единицу заработной платы больше, чем компании нефтегазового сектора.

Маркированные налоги у нас не выполняют свою функцию. Они не позволяют финансировать соответствующие фонды. Дефицит Пенсионного фонда составляет порядка 50%. Дефицит Дорожного фонда составляет порядка 70%. И таким образом, целесообразность маркировки налогов вызывает вопросы.

Каковы наши рекомендации по налоговой политике. Ввести пятидесятипроцентную инвестиционную льготу по налогу на прибыль. Провести обратно налоговый маневр, снизить акцизы на дизельное топливо и ввести дифференцированный возврат НДС, как это сделано в Китае. Отменить маркировку налогов и при этом ввести единый доход на физических лиц с прогрессивной шкалой. Провести корректировку принципов бюджетного федерализма в пользу регионов. Увеличить долю региональных бюджетов в налоговых доходах. В настоящее время у нас, в основном, налоговые доходы приходятся на федеральный бюджет и делятся в соответствии с соотношением 70 на 30: 70 – в федеральный бюджет, 30 – это регионы.

Переходя к денежно-кредитной политике, о которой сегодня уже несколько раз говорили в рамках пленарных сессий, хотелось бы отметить, что, действительно, в настоящее время наш Центральный банк проводит крайне консервативную денежно-кредитную политику. Соотношение быстрых денег к ВВП и кредитов к ВВП крайне низкое. Процентные ставки высокие. Это все приводит к снижению промышленного производства. При этом мы хотели бы отметить, что золотовалютные резервы позволяют у нас проводить стимулирующую денежно-кредитную политику. Мы посчитали необходимый объем золотовалютных резервов по критерию Рэдди, и пришли к выводу, что до 200 млрд долларов в той или иной степени может быть направлено на реализацию стимулирующей денежно-кредитной политики, направленной на развитие реального сектора экономики.

Каковы наши рекомендации в области денежно-кредитной политики. Во-первых, мы считаем, что развитие производства и экономический рост должен стать одним из приоритетов Банка России. Это полностью позволит поменять направление госполитики в области денежно-кредитных отношений. Первое. Необходимо обеспечить реальный сектор доступным кредитованием за счет постепенного снижения ключевой ставки до уровня инфляции плюс один процент. Второе. Необходимо сократить объем золотовалютных резервов. Освободившиеся средства можно использовать для развития экспортного кредитования отечественных производителей для приобретения зарубежных

технологий и так далее. Как я уже сказал, объем 200 млрд долларов в год при том, что у нас сегодня на экспортную поддержку тратится в районе 1 млрд долларов.

Дальше. Необходимо обеспечить доступ малых и средних банков к системе рефинансирования и установить судебный порядок отзыва банковских лицензий, чтобы отзыв банковской лицензии воспринимался не только как просчет менеджмента, но и как просчет, в том числе, надзорных органов. Банк России должен, по возможности, сохранять, санировать те банки, которые испытывают определенные трудности.

[00:20:18]

По нашим оценкам, реализация вышеназванных направлений позволит выйти на темпы роста в районе пяти процентов в год. В ваших брошюрках более агрессивные сценарии. Тем не менее, после консультаций с академическими кругами, с экспертным сообществом мы пришли к выводу о том, что можно немножко скорректировать, сделать более консервативные, реалистичные оценки. Это порядка пяти процентов темпы роста в год. При этом значительно увеличится доля обрабатывающей промышленности, с 12% в структуре ОП до 15-ти.

Наиболее активный рост будет показывать, по нашим оценкам, инвестиционное машиностроение, поскольку именно в данном секторе кроется максимальный потенциал. Мы считаем, что предприятия машиностроительного комплекса способны расти с темпом роста порядка 10-12% в год. И, по сути, они будут являться катализатором экономического роста.

На этом все. Хотел бы еще раз подчеркнуть, что мы считаем цифру в пять процентов роста ВВП не какой-то космической, она абсолютно достижима, в том случае, если государство поставит задачу реализовывать стимулирующую, налоговую, внешнеторговую и денежно-кредитную политику. Спасибо.

Константин Бабкин: Амбициозная задача – за 15 минут изложить стратегию развития страны, но вы справились, кажется. Борис Юрьевич, вам слово.

Борис Титов: Действительно, за 15 минут изложить полную презентацию не представляется возможным, потому что экономика – это очень сложный механизм, очень комплексный. И один из принципов, который мы заложили с самого начала, что реализация стратегии может быть успешной, только если будут реализованы все ее части. То есть она должна носить системный, комплексный характер. Нельзя изменить налоги, не изменив тарифы или не проведя институциональные реформы, потому что экономика в этом случае никак не отреагирует. Поэтому, конечно, эта системность – один из главных факторов успеха любой стратегии.

Константин Анатольевич сказал, что какая стратегия будет принята, можем ли мы объединиться. Я думаю, что будет принята одна стратегия, которая будет называться «президентская стратегия». И даже не правительства. Но эта стратегия, я уверен, будет в себя аккумулировать самые лучшие предложения, которые есть от разных центров экспертизы, центров предложения. И самое главное, чтобы эти центры объединялись по принципу единства идеологии. Это очень сложно будет сочетать нас с Кудриным, и я

думаю, что вашу программу и нашу, потому что там самый главный момент, который сегодня нас разделяет, и на самом деле дискуссия по этому моменту шла в течение очень долгого времени в других странах.

На кризисе 2008-2009 годов она была в США, чуть позже в Европе, в Японии. Это спор между двумя такими важными школами, которые имеют свои названия. Одна монетаристская, другая неокейнсианская. Одна говорит о том, что когда все хорошо и экономика работает стабильно, устойчиво, конкуренция на высоком уровне, то государство должно оказывать воздействие минимальными способами, прежде всего, через ставку рефинансирования, держать, таргетировать инфляцию и тогда экономика работает устойчиво. Но при этом наши монетаристы, немножко забывают еще дополнительные требования, как монетизация экономики, много других вещей вещей, которые они, Фридман с Хайеком учитывали, но наши монетаристы не очень.

[00:25:11]

Я, кстати, с этим совершенно согласен. Более того, я могу сказать, что каждому периоду в истории экономики соответствует та или иная школа экономической политики. Когда все хорошо, как я уже сказал, монетаризм работает, как самый оптимальный механизм для того, чтобы держать стабильность. Потому что главное в этой истории (экономика и так растет, внутренние механизмы заставляют ее двигаться), но главное – стабильность. Чтобы не происходило дестабилизации на этом росте.

Но в 2008 году случился кризис, и когда все начали применять те же самые механизмы, которые были использованы до этого, угробили Lehman Brothers, пошел эффект домино на всю экономику. Просто начали ломаться привычные системные балансы и системные связи в экономике. Все поняли, что надо экономику, школу, что называется, менять. Потому что затягивать пояса, пытаться стоять крепко в падающей экономике, в кризисной экономике, это абсолютно не эффективная стратегия. И необходимо в такой ситуации этот маховик, который начинает останавливаться уже, поддерживать, да, может быть, несколько искусственными способами, путем вмешательства государства в эту экономику. Но поддерживать в рабочем состоянии. И более того, пытаться выгрести, пытаться выплыть из этого кризиса на векторе развития, на векторе вперед.

И тогда нужны новые механизмы работы, новые школы. И эта школа, которая, в принципе, конечно, не кейнсианская, это точно. Кейнсианство, конечно, ушло в прошлое. Экономика стала намного сложнее. Но по общим принципам ее можно назвать неокейнсианской школой. А по-другому эта политика, сейчас уже называется по новому, называется она QE – политика количественного смягчения, которая использует механизмы стимулирования спроса и поддержки предложения для того, чтобы дать моментам, дать вектор развития экономике. И эта роль, самая важная роль, отводится государству.

Поэтому, еще раз. Здесь будет сложно договориться. Но по институциональным реформам, по другим возможным, и с точки зрения цифровой экономики, мы сегодня очень тесно, кстати, сотрудничаем с различными ветвями института Кудрина, ЦСР. По судебной системе, по контрольно-надзорной деятельности, хотя мы более, так скажем,

радикальные, чем они. Мы предлагаем просто запретить, ограничить количество проверок, как волонтаристских. Они более мягко это все рассматривают, системные вопросы решаются, риск-ориентированные подходы. Но это все очень долгие механизмы, они быстро не сработают. А мы говорим о том, что нужно уже быстро решать, принимать решения в этой сфере.

А в области денежно-кредитной политики, в области промышленной политики, в области экономической, в целом политики, различий много. Я сегодня на пленарке уже говорил на эту тему. Не буду останавливаться. Хотел сказать все-таки базис нашей стратегии. Во-первых, надо понять, что будет, если ничего не делать в российской экономике. Наш удел, третий-четвертый эшелон среди мировых держав. Мы и сейчас-то с вами далеко не крупная экономика. Это у нас площадь и количество населения немаленькая. А экономика у нас, видите красный сегмент? Это вся наша доля в мировой экономике.

И, конечно, что мы увидим, это то, что нас тоже различает с Кудриным, это риск-доходность, риск-return, риск возврата инвестиций. Это главная проблема российской экономики, что этот баланс сегодня ушел в красную зону. При тех рисках, которые существуют в нашей стране, доходность уже не обеспечивает интерес инвесторов к инвестированию в российскую экономику. Этот баланс работает уже в минус, а не в плюс.

[00:30:00]

Это инерционный сценарий. Я просто хотел обратить ваше внимание, что даже сегодня мы всего лишь на 13%, наша экономика, выше, чем 1990 года. Надо осознать это. С 1990 года за 17 лет мы прибавили 13%. Весь мир за это время, как вы видите, – 148%. Так что, такие, очень яркие сравнения.

Конечно, мы делаем основной упор, то есть мы должны понять, куда же мы идем. И это пять основных характеристик новой экономики, мы их определили с самого начала. Но под каждым из этих пяти направлений по каждому еще порядка десяти расчетных KPI. Институт народнохозяйственного прогнозирования, он нам делал нам эти расчеты. Академик Ивантер знает, потому что именно они делали эти расчеты. Основная часть работы, именно расчетной, да и вообще основная часть работы была сделана, огромное спасибо вам.

Еще раз, KPI есть под каждое направление, ключевые показатели. Мы знаем, как описать новую экономику в порядке 50-60 основных целевых показателей. Здесь мы тоже очень близки. Мы тоже считаем, что ключевой задачей в принципе является рост, и вся политика должна быть нацелена на рост экономики. И это как главный KPI для нашей страны. Сравниваем это с сегодняшним главным KPI, это инфляция, потому что, или Центрального банка, по существу, по всей экономике стабильность, низкий уровень инфляции. Не буду сейчас останавливаться на этом, но мы даем подробный анализ той инфляции, которая есть сегодня у нас. И почему сегодняшняя экономическая политика, во-первых, и не приводит к снижению инфляции, потому что инфляция сегодня снижается из-за того, что нефть стабилизировалась и пошла вверх. И курс рубля высокий. А не из-за того, что у нас денежный спрос падает, как нам главный инструмент борьбы с инфляцией предлагает Центральный банк.

Это надо все прочитать, через это все пройти, в двух словах всего не рассказать. Единственное, хочу вывод сказать: главным путем борьбы с инфляцией является в наших условиях – экономический рост. Экономический рост даст снижение инфляции, а не низкая инфляция приведет к росту экономики, как нам заявляет сегодня Центральный банк. Это пример, потому что у нас есть еще наш руководитель научного совета Яков Моисеевич Миркин. Он написал много книг по азиатским экономикам, так называемым азиатским тиграм. И это его сравнение, как они все, это практически во всех политиках этих стран, они придерживались одних и тех же инструментов. Снижение процентной ставки приводит к росту инвестиций. В результате снижается инфляция. Это доказательство всех этих стран.

Перспективы у нас большие, расчетные перспективы. При этом мы говорим о том, что если использовать инерционный сценарий, то мы уходим далеко в тылы мировых держав. Я имею в виду, отстаем очень сильно. При нашем сценарии мы растем тоже пять процентов, здесь мы тоже очень близки. Но это удвоение ВВП к 2035 году. Но если мы используем все резервы и немножко повезет с ценами на нефть и другими макроэкономическими мировыми факторами, то мы можем и утроить ВВП. Это сценарий, который мы называем как потенциал, с использованием всего потенциала.

Делим весь период реформ на три периода. Все они имеют свое название. Первый – это новая индустриализация. Несколько раз за нашу историю Россия подбиралась к этому показателю, но каждый раз сваливалась назад. Ни разу мы так и не перешли в период новой индустриализации за историю. Надеемся, что в этот раз, если примем реформы, то мы сможем это сделать. Второй период – это серьезный период, так скажем, устойчивого роста. И здесь темпы будут самыми высокими. А потом уже устойчивое развитие, темпы немножко снизятся, но это будет уже качественный, серьезный, долгосрочный рост.

[00:35:05]

Мне поставили большую презентацию, много слайдов. Здесь и принципы работы экономики, три периода. За счет чего будет расти экономика. Мы определяем и спрос. Сначала это внутренний спрос на первом этапе до 2019 года. И текущие мощности, которые уже есть в нашей экономике, потому что Кудрин говорит о том, что нет мощностей свободных. На самом деле, провели специальный анализ, – 25% мощностей не задействовано. В основном это новые мощности, недавно построенные и по-прежнему не задействованные. Поэтому ресурс есть, и на первом периоде мы можем быстро уже активизировать рост, затем, перейдя уже на второй, на третий этап.

Это принципы, не буду на них сейчас останавливаться. Но это ответ на вопрос, который надо. Потенциал роста, чем еще мы отличаемся, – мы анализируем микроэкономику. Мы все-таки считаем, как предприниматели, прежде всего, надо понять, где можно зарабатывать, за счет чего можно расти. Может, нет у нас потенциала роста вообще, как и экономики. И тогда вообще о чем мы говорим? Мы проанализировали. Во-первых, у нас был опрос для нашей экономики, то, что нам помогает в оценках, способствует развитию, и выявили основные сектора, в которых экономика будет расти. При этом рассчитали приблизительный эффект на рост ВВП и на количество создаваемых

высокопроизводительных рабочих мест. То есть эти сектора, как мы считаем, будут основными драйверами роста.

Кроме этого, мы еще говорим о микроэкономике и макроэкономике, которые должны вместе дать этот общий эффект. Микроэкономика – это конкретные проекты. Вы считаете, что надо создать условия для всех, мы считаем, что да, нужны макроэкономика, это условия для всех, но нужна еще и микроэкономика, или промышленная политика государства. Потому что в некоторых отраслях, некоторых проектах, которые могут дать наибольших кумулятивный эффект, возможен и большой результат. И этот результат нельзя не использовать. Поэтому мы даже предлагаем конкретные, допустим, кластерные частно-государственные инициативы, которые дадут толчок развития, по нашему мнению, экономике, и их необходимо в рамках промышленности стимулировать. Там сельское хозяйство есть.

И вот как мы делим уже все. Это уже макроэкономика. Мы говорим о том, что Кудрин и ЦСР говорит о том, что самая большая проблема, – это красненькое, потому что риски выросли, и это основная проблема. Мы считаем, что это важно и, действительно, нужно менять, проводить судебную систему. У нас целые трактаты написаны. Потому что наша стратегия роста вот такой ширины, а на самом деле документы второго уровня, это, я не знаю даже, сколько там страниц, даже никто не считал. Это большая, огромная работа. И мы говорим о том, что надо менять и судебную систему, и другие институциональные реформы проводить. Но все-таки на первом месте это экономические факторы, потому что доходность упала, return не тот, возвратность не та.

И поэтому мы предлагаем среди этих направлений, что это, конечно, и налоговое. Мы слышали ваше предложение, почти со всем согласны. Но мы не сформулировали окончательно, честно могу сказать, где мы не доработали, новую структуру налогов. Мечтаем, что на первом этапе до 2020 года должны работать льготирование нового, то есть новые предприятия должны платить меньше налогов, чтобы привлечь инвестиции. А потом надо менять всю структуру налогов, приводить ее в соответствие с теми странами, которые давно развивают рыночную экономику. У них главный принцип – ниже налоги на производство, больше и выше налоги на потребление. Но это отдельный разговор.

Опять же, тарифы вчера устроили, я рассказывал сегодня уже на пленарке, что большая была дискуссия. Назвали тарифной революцией некоторые газеты. И это серьезный прорыв, как мы считаем. Необходимо очень серьезно менять эту ситуацию. Ну и умеренная, мягкая денежно-кредитная политика, собственно, это как QE, низкая ставка. Мы здесь согласны. И низкие, сравнительно, умеренно низкие, но, самое главное, стабильный рубль. Институты развития, о которых мы говорим, которые надо докапитализировать. И никакого инфляционного давления не создадут. Это спрос. Мы говорим о том, что ограничены в программах по стимулированию спроса, много в системе рефинансирования. А мы говорили о доступе МСП к рефинансированию. Мы там предлагаем конкретное проектное финансирование, как наладить. Как наладить торговое финансирование, вернее рефинансирование торговых коммерческих кредитов. То есть конкретные направления, как это нужно сделать.

[00:40:21]

Остановимся на последнем слайде. Это наша таблица, где мы матричным способом накладываем микроэкономiku на макроэкономiku. То есть там, где основные источники роста, сектора отрасли, которые, по нашему мнению, имеют самый большой потенциал роста, за счет каких макроэкономических инструментов, налоговая, денежно-промышленная, как мы ее называем, политика. За счет чего будет расти экономика. И в результате получаем ту же самую цифру, которая у вас, – пять процентов.

Завершая, хочу сказать, что мы идем параллельно, рядом. Еще раз. Я думаю, не будет ни наша, ни ваша сегодня стратегия, в конце концов, принята как основная. Поэтому сегодня надо вместе объединяться для того, чтобы продвигать нашу главную идею, которая заключается в том, что нужна активная экономическая политика. Денежно-промышленная. Как вы говорите, внешнеторговая, хотя я здесь не со всем согласен. Многие страны проходили через серьезные таможенные барьеры и ограничения. К сожалению, не приводит всегда. Сыр мы пока так и не научились делать. Много говорят об импортозамещении сегодня. Кто пробовал настоящий российский сыр? Но пока не научились. Просто это всегда, часто, по крайней мере, искусственные барьеры приводят к снижению эффективности и конкурентоспособности. Поэтому, конечно, лучше работать на других инструментах, чем таможенные барьеры.

Тем не менее, это все приводит к росту пять процентов. Поэтому мы все должны работать в одном направлении, чтобы достичь главной цели, – не денежно-кредитное сжатие, не жесткая финансовая политика, не ограничение, а переход к QE, количественному смягчению по-русски. Этот мир выбрал весь мир, и должна выбрать наша страна. Спасибо.

Константин Бабкин: Спасибо. Я хотел бы вас попросить высказаться на тему как убедить нашего президента взять, я не буду распространяться вашу, нашу...

Борис Титов: Вопрос, конечно, интересный. Мы на самом деле, мне кажется, все вместе, и экспертное сообщество, и все наши институты, которые придерживаются этой точки зрения. Мы, как предприниматели, уже делаем достаточно большой объем, обеспечиваем движение вперед. Смотрите, год назад у меня была встреча с президентом в июле, когда я вручал свой доклад. И я ему говорил о том, что необходим рост, я показал первый вариант стратегии роста, после дискуссии на президиуме Экономического совета. А он мне говорит: «Борис Юрьевич, все-таки стабильность важнее». Стабильность важнее, даже по телевизору все это прошло.

То сегодня все выступили, и президент, и председатель правительства, и все-все-все чиновники считают главной задачей экономической политики – это рост. Теперь нужен рост, а не стабильность. Это уже большой прорыв вперед. Теперь, конечно, нужно убедить, что Набиуллина, которая говорит каждый день президенту: «Смотрите, я обеспечиваю социальную стабильность через высокий МРОТ, потому что инфляция». Конечно, в течение 15 лет мы убеждались, что инфляция – это главный показатель. Сегодня она говорит: «Вот мы инфляцию можем держать и снижать через высокий МРОТ». И поэтому мы проводим такую жесткую денежно-кредитную политику.

У нас нет оснований им не доверять. Столько лет Кудрин, его команда обеспечивали стабильную экономическую политику в нашей стране. Конечно, все свои претензии к ним, в целом политика была успешной. И поэтому сейчас переход, тем более что ему те же самые люди говорят: «Да ни в коем случае, надо продолжать все, как есть. Только институциональные реформы подогнать еще и тогда все будет хорошо. Вот почему им не доверять-то, а? С ними работали столько лет.

[00:44:58]

И, тем не менее, все-таки курочка по зернышку, капля камень точит, и, конечно, продолжаем. Первый раз на президиуме Экономического совета, когда мы услышали, что существуют другие альтернативные точки зрения. Дальше на каждой встрече с бизнесом, мы на своей встрече. Много людей, которые у нас сторонники, можно сказать, что сторонников у нас значительно больше, чем вы думаете, не все признаются в этом. Значительно больше, чем выступает по телевизору. Поэтому я думаю, что шансы у нас неплохие. Борьба была, вы говорили, в Америке была, в Европе была, в Японии. Но победили наши.

Константин Бабкин: Слово предоставляется Гартунгу Валерию Карловичу, первому заместителю председателя комитета ГД по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству.

Валерий Гартунг: Добрый день. Во-первых, я начну с чего. С того, что мы здесь услышали. Абсолютно правильные вещи были сказаны. Причем обе стратегии, я бы не сказал, что они конкурируют. Они, наверно, дополняют друг друга. Они по-разному, скажем так, акценты расставляют. И, в общем-то, в разной степени проработки те или иные разделы. Противоречий особых я не вижу здесь, за исключением каких-то локальных вещей.

Самое печальное, что все, что было здесь абсолютно правильно сказано, совпадает с тем, что пишет правительство. Правительственные эксперты, если почитать документы правительственные, не посмотреть, что они делают, а что они пишут, там все правильно написано. «Стратегия 2020». Основные направления. Я внимательно все документы читаю, такой дотошный человек, в силу своей профессии я должен все читать. Думаю, они все правильно пишут. Почему же делают все по-другому? Если бы они даже то, что правильно написали, сделали, – было бы уже все совсем по-другому, понимаете?

Теперь в каких-то деталях скажу. Борис Юрьевич правильно сказал, обратил внимание, что риск-доходность – очень важный показатель. Если капитал идет, он, прежде всего, смотрит именно на этот показатель, риск-доходность оценивает. И, к сожалению, институциональная среда в России не способствует снижению рисков. Она их повышает и без этого, к сожалению, я так понимаю, Константин, группа ваша работала над тем, чтобы все-таки экономический уклон дать своей программе и меньше брать политическую составляющую. Но Борис Юрьевич правильно заметил, что политическая составляющая, если она бьет по карману, она становится экономической. Здесь без этого никуда не деться.

Дальше. Абсолютно согласен, Борис Юрьевич, с вашим высказыванием, что только экономический рост, приоритет экономического роста над инфляцией. Потому что экономический рост, действительно, приводит к снижению инфляции. Более того скажу. Я в 1998 году работал в бизнесе, вы помните, что произошло в 1998 году, в августе, когда рухнул рубль в четыре раза. Я могу сказать, что я работал на Челябинском кузнечно-прессовом заводе. У нас до августа были вообще проблемы даже с выплатой заработной платы. Мы не знали, что производить. В сентябре вымели все. Темпы роста были буквально, с 1998 года, с 1999-го уже, они пошли и рост был колоссальный.

Тогда, если вы помните, поменялось правительство, и цена на нефть была, сколько? Порядка 12 долларов за баррель. И она подросла, может быть, до 19-ти. В течение девяти месяцев это правительство сделало невозможное, заложило такой базис, что до 2008 года, пока новый кризис не был, был рост. Причем серьезный рост был. Мало того, хочу сказать еще о чем. У нынешнего правительства тоже есть определенные успехи. Локальные. Например. Если правильно применять меры господдержки, о которых говорят и те, и другие, у правительства это есть, то это дает результаты.

[00:50:04]

Я у Константина поинтересовался, а сколько же за последние три года средний прирост продаж у «Россельмаша»? Тридцатипроцентный среднегодовой. Вот, пожалуйста, как работает господдержка. Причем они не «Россельмашу» дают. Они просто дают покупателю, стимулируют спрос. Но сейчас, например, к сожалению, поняв, что, видимо, очень хорошо зажили селяне, они берут и меняют принципы распределения этой поддержки таким образом, что эта господдержка попадает только в крупнейшие холдинги, а фермеры ее лишаются.

Я уверен, что сейчас пойдут отказы уже от заказанной техники. Дай Бог, если бы не пошло. Но я уже разговаривал с селянами, только что прилетел из региона. Ко мне селяне приходят и говорят: да, снизили процентную ставку, по которой кредитуют. Но теперь она недоступна. В принципе, география этой поддержки сузилась. И те покупатели, которые, многие уже заказали у вас технику. А теперь они вынуждены выбирать между тем, что заказать технику или купить семена. Вот о чем идет речь. Это говорит о качестве работы. Правительственные, даже хорошие, может быть, меры, но как дьявол, он кроется в деталях.

Вроде выделили на сектор деньги, а потом куда они попали? Вы правильно заметили, вы давали информацию, что выступаете за секторальную поддержку. Чтобы не конкретные точки роста, вот здесь у вас разногласия. Вы считаете, нужно выбирать какие-то отрасли. Я согласен с этим. Но, самое главное, нужно создавать среду, чтобы затраты на производство продукции в любой отрасли в России были ниже, чем у ее конкурентов за рубежом. Вот это ключевая вещь. А дальше рынок сам определит. Бизнес там, где бизнесмены более талантливые, где они лучше работают с рынком. Они будут вперед двигать. Но надо сидеть и правительству думать, какой отрасли, кому, где помочь.

Правительство что должно сделать? Оно должно определить законодательно в государственной программе, показать бизнесу, где правительство ждет инвестиции. И не

просто показать, а показать мерами господдержки. То есть там, где правительству более нужен рост, там и больше меры господдержки. Это элементарная вещь. На самом деле капитал, он же не окрашенный. Ему без разницы, куда идти. Он пойдет туда, где больше заработает, риск-доходность будет определять. Точно так же, как по стране, так и по отраслям экономики.

Теперь. Где на все это брать деньги. На самом деле деньги в стране есть. И уже была высказана идея, давайте введем дифференцированный возврат НДС. Какая проблема? Китай за счет этой меры, которую он применяет уже десятилетия, посмотрите, что он сделал? Он структуру своего экспорта изменил. Попробуй из Китая привези, кто работает с Китаем, пробуй, привези что-нибудь в сырьевой группе. Никогда ничего не получишь. А если хотя бы минимальная обработка будет, – пожалуйста, зеленая улица будет. А если технологическая продукция, тебе не только зеленая улица, – тебе отсрочка будет на год, тебе вообще бесплатно отдадут, только вывези, забери, потом когда-нибудь рассчитаешься. Вот такая поддержка сейчас. А у нас что в стране? Нефть и газ, да, конечно, наше все. Поэтому я думаю, что нужно вводить дифференцированный возврат НДС. Теперь следующее. Это триллион шестьсот, на минуточку, если только по сырью решить проблему, триллион шестьсот в год.

Следующее. Государственные закупки. На 25 трлн рублей в год закупается у единственного поставщика. Очень просто посчитать. Даже если ввести на эти 25 трлн конкурентные процедуры, мы сэкономим сколько? Минимум 10%. Минимум! Но это я еще так, скромненько, – 2,5 трлн. И плюс еще таможня. По заказу нашей фракции «Справедливая Россия» мы провели исследование, а сколько же теряется на таможне? Мы много, долго считали. По 2014 году насчитали 40 млрд долларов в год. Умножьте на курс, тогда это немножко другой был курс, это до падения было. Это колоссальные деньги.

[00:54:58]

То есть на самом деле, резюмирую, умные люди поработали на одной стратегии, на другой стратегии. В правительстве тоже работали люди, и тоже там неплохие мысли есть. Самое главное, что это вообще никак не коррелируется с нашей реальностью. Поэтому, конечно же, нужно каким-то образом заставить правительство все-таки, хотя бы даже то, что они записали, исполнять. И поэтому самое актуальное, что было, вы задали вопрос Борису Юрьевичу: а как же донести до президента, чтобы он взял эту стратегию. Вот это, наверно, ключевой вопрос. Спасибо.

Константин Бабкин: Прозвучало, что Институт народнохозяйственного прогнозирования участвовал в разработке стратегии ТПП, слово предоставляется академику Ивантеру Виктору Викторовичу.

(00:56:06)

Виктор Ивантер: Мы являемся обслуживающим персоналом, и мне кажется это важной работой, потому что программы, которые принимаются, они не для того, кто их писал, были придуманы, я для того, кто несет за это ответственность. Поэтому все проблема

именно в том, доказать президенту что то, что будет предложено, по крайней мере, хуже не будет. Почему, мне кажется, очень полезно для нас участие в программах. Вообще, программы писать умеем, считать умеем. Но вот в чем дело, что когда мы это делаем, у нас закладываются гипотезы, как будет вести себя при кризисе. Здесь немножко другая ситуация и другой подход. Здесь другое качество программы.

Именно этим определяется, ответственностью за последствия применения в кризис. А поскольку все работы проходят довольно успешно. Сказать, что это одно и то же, конечно, неверно. Но они очень близки. Я считаю, что есть два подхода, и они так или иначе должны быть учтены, и в общих условиях нормально функционировать на самом деле. А с другой стороны, честно говоря, что серьезных движений без крупных проектов быть не может. Что это за инструмент? Вот крупные проекты, они являются существенными.

Второе преимущество, мне кажется, с подходами, но обычно здесь фрагментарные предложения. Пожалуйста, объясните, какие-то обсуждения, здесь в данном случае, взять в целом, это очень интересно и полезно, мне кажется, для мысли. И, наконец, есть еще очень важная и серьезная проблема. Мне кажется, что это здесь некая иллюзия такая, что наш Центральный банк проводит какую-то свою собственную самостоятельную политику. Ясно совершенно, что те решения, которые принимает банк по совершенствованию банковской системы, это большой театр. И второе, ясно, что, значит, где-то читал, что его переоценят. Другое дело, что падение цен на нефть и выручки, – это более сложная ситуация, чем ожидалось. И тут, я бы сказал, что банковская система экзотично отреагировала.

[01:00:03]

Я думаю, что банк понимает, что нельзя иметь устойчивую валюту при падающей экономике. Но я хочу сказать, что говорить примерно на то, что сегодня обращал внимание на рост цен, не удастся. Это связано с президентом. А это значит прямой кредит, потому что все реагируют только на повышение цен эмоционально. А вот на снижение цен – не реагируют. Но повышение цен – это такой раздражитель для населения, а президент не даст вам не обращать внимания на это. Другое дело, здесь есть разные проблемы, то есть регулируемая роль цен.

Теперь что касается изменения денежно-кредитной политики. Есть некоторая опасность последствий. Расчеты показывают, что снижение процентной ставки, скажем, до восьми процентов, или, может, даже пять, я думаю, что все-таки секторальные движения, которые есть, они тоже окажут влияние в сельском хозяйстве – более низкие цены по кредитам вполне могут появиться.

Я могу сказать, и могу доказать, у нас сейчас понятие как перестать дергаться. И если здесь что-то не устраивает, вы мне объясните, что не устраивает, почему, что надо сделать лучше. Поэтому вместо любых перемен нужно просто совершенно спокойно работать. Если было чего-то сделано – зачем это сделано, кому это выгодно.

Что касается конкуренции этой программы с программой Кудрина, нет конкуренции, потому что программы Кудрина нет. Я не знаю, нет там такой конкурирующей стратегии.

Есть отдельные фрагменты. Мне кажется, здесь очень хорошие условия для коллег. Думаю, что все получится. С другой стороны, я думаю, что, в общем, Россия обречена на экономический рост, вопрос – сколько мы заплатим за это. Если мы это сделаем быстро, то, возможно, бесплатно. А если мы это затянем, то это обойдется довольно дорого. Спасибо.

Константин Бабкин: Прозвучало, Борис Юрьевич сказал, что президент выбирает между стабильностью и ростом. Здесь риск, что ему придется менять экономическую политику. Я не понимаю, в чем риски-то состоят? Мы сегодня приводили примеры роста в сельском хозяйстве, в производстве у нас есть достойные предприятия, производство вина. Эти отрасли живы и развиваются.

[01:05:01]

Если мы этот вопрос решим, – кредиты, низкие налоги, эти же предприятия получат бурный рост, это же очевидно. Риска вообще никакого нет, просто факт. Если мы дадим правильно, конечно, будет рост. Вы говорите: может быть возрастут из-за этого цены. Но всегда и везде, исторический факт, медицинский факт, что экономический рост приводит к улучшению благосостояния населения. Поэтому 100% мы должны обеспечить экономический рост, если будем правильную политику проводить. И это, очевидно, приведет к улучшению уровня жизни людей. Вот это надо убеждать нашего руководителя.

У меня тут записались: Гамза Владимир Андреевич, председатель комитета Торгово-промышленной палаты по финансовым рынкам и кредитным организациям. Приготовиться Ильдарову Шамхалу Адамовичу.

Владимир Гамза: Я хотел веселые картинки показать. Чтобы долго не говорить, я покажу вот эти картинки, которые, очевидно, доказывают то, что программы, представленные сегодня здесь, имеют абсолютное реально право на их реализацию. Первое. Вы видите не просто прямо-пропорциональную зависимость роста ВВП от роста или падения ВВП от роста или падения инвестиций, а практически идентичные эти картины. Совершенно очевидно, что никакого другого варианта обеспечить экономический рост, как только обеспечить высокий рост инвестиций просто не существует.

Что происходит с нашими инвестициями? У нас есть большая проблема, связанная со структурой и объемами инвестиций. Мы часто ждем, что мы создадим институты, к нам из-за рубежа потекут широким потоком иностранные инвестиции. Я специально привел эти столбцы, графика слева, которая свидетельствует, что с 2010 года (я взял 2010 год, чтобы не загружать, и предыдущие годы тем более) у нас всегда вывоз прямых инвестиций за рубеж был больше, чем приток прямых инвестиций из-за рубежа. Поэтому уповать на поток инвестиций из-за рубежа не приходится, и надо делать ставку на развитие наших внутренних инвестиций.

К сожалению, ситуация с внутренними инвестициями, со структурой наших внутренних инвестиций, плачевна. Практически половина этих внутренних инвестиций, даже в некоторые годы больше, это инвестиции собственных средств самих предприятий. Банковский сектор занимает всего около восьми процентов, причем в прошлом году эта

цифра даже упала ниже восьми процентов. И все другие тоже несопоставимы. Небанковский финансовый рынок, он вообще там еле заметен.

Следующая большая проблема – это структура нашего ВВП, как произведенного ВВП, так и потребленного. Эта структура говорит о непроизводственном характере этой структуры ВВП. Наш ВВП не создает необходимый новый добавленный продукт, который используется для развития самого производственного потенциала, дальнейшего развития производственного потенциала ВВП.

Общий объем изъятий здесь уже показывали, я не буду останавливаться. Я, единственное, скажу о том, тот крест, который у нас существует с Китаем, это удивительные цифры. У нас изъятие из экономики государством 43%, а в Китае 21. Накопления капитала в Китае 43%, а у нас 21. Вот ровно такой крест.

[01:10:20]

Где, кто должен сегодня стать источником инвестиций? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы предложили взглянуть на наш финансовый рынок. Этот безбрежный океан – это банки. Здесь синий, голубой океан – это банки, 90% всего финансового рынка. Все остальные, вот эти перышки, – это весь остальной финансовый рынок. Можете себе представить? Весь фондовый рынок, рынок коллективных инвестиций, институциональные инвесторы, пенсионные фонды, страховые, и так далее. Вот это все – 10%. Причем этот объем уменьшается.

И совершенно понятно, что быстро увеличить небанковский финансовый рынок с точки зрения его инвестиционного потенциала не удастся, хотя это одна из главных проблем, которую надо решать. Это развивать надо. Но, сегодня совершенно понятно, что главный источник инвестиций на финансовом рынке – это банки. Почему банки сегодня инвестируют всего восемь процентов в общем объеме инвестиций и всего три процента во всем объеме активов кредитных организаций. Всего три процента. Да по одной простой причине, что сегодня наши банки – это кредитно-депозитные учреждения, которым просто запрещено заниматься прямыми инвестициями.

Здесь не вина Центрального банка. Это просто беда нашего законодательства. Так построена наша банковская система. И совершенно очевидно, что без создания инвестиционных банков, без создания нормального нормативного обеспечения проектного финансирования мы просто с места не сдвинемся с точки зрения привлечения банковской системы в качестве источника инвестиций.

Я согласен с Борисом Юрьевичем, что все-таки движение есть, и я думаю, что не случайно, благодаря позиции Константина Анатольевича, Бориса Юрьевича, совсем недавно читаю, председатель правительства по итогам Сочинского форума подписал поручение. Вторым пунктом – создать фабрику проектного финансирования в стране. Это удивительно. Двадцать пять лет мы строим новую экономику, слава Богу, мы задумались о необходимости создания. Я не буду дальше подробно эту мысль развивать.

Мы все говорим, что Центральный банк не прав, потому что занимается подавлением инфляции, считает, что это основа. Вот все графики говорят красноречиво сами за себя.

Рост денежной массы примерно ровно через полгода-год, не более, приводит к росту ВВП. Падение денежной массы также примерно через год, ведет к падению ВВП. И ниже кривая инфляция никак практически не коррелируется со всем. У нас инфляция больше, вы лучше меня, наверно, знаете, она зависит от тарифов естественных монополий и от цены на нефть.

И последнее, может быть. В основе низкого уровня денежной массы у нас лежит архаичная структура денежной базы. На сегодняшний день последние цифры приведу, я хочу, чтобы вы понимали. Как только в денежной базе иммобилизация государством денежной базы увеличивается, мы сразу падаем в кризис. На сегодняшний день нашей национальной денежной базы иммобилизация составляет 35%, это изъятые государством средства и аккумулированные в Центральном банке. Наличные населения почти 48%, и только 18,5% – это средства кредитных организаций, которые кредитно-депозитным образом мультиплицируют и создают денежную массу. Вот вся проблема. Спасибо.

[01:15:01]

Константин Бабкин: Ильдаров Шамхал Адамович, президент Ассоциации текстильщиков России.

Шамхал Ильдаров: Дамы и господа, я очень хорошо помню тот период, когда мы с Константином вместе в стенах Государственной Думы отстаивали малейшую возможность, чтобы препятствовать вступлению в ВТО. Мы считали, что вступаем в ВТО на кабальных условиях. Хорошо помню, как Константин с такой перевязанной ногой, после своих спортивных мероприятий, но, в общем, мы делали все, что от нас зависит. И я очень рад, что наконец-то пришел день, когда мы поняли, что для российской экономики нужны другие действия.

Ассоциация текстильщиков России стала наиболее известна в тот момент, когда потребовала жесткую борьбу с контрабандным ввозом на российскую территорию. Мы первыми, после объявленных в адрес России санкций, потребовали сделать антисанкции своеобразные, и требовали уничтожать те контрабандные изделия, которые ввозятся в Россию текстильными крупными предприятиями из Европы. Поэтому наша ассоциация на слуху, и я считаю, что я имею право высказывать свою точку зрения по поводу той экономической концепции, которая сегодня предлагается.

Уважаемые коллеги, основной месседж, с которым мне хотелось бы сегодня к вам обратиться, заключается в следующем. По мнению ряда ведущих экспертов, сегодня можно утверждать: Россия практически справилась с последствиями экономического кризиса, и постепенно набирает положительную динамику роста. Что особенно радует, эти обнадеживающие тенденции наблюдаются в реальном секторе экономики. Однако, именно сегодня, на мой взгляд, нам следует задуматься о будущем, активизировать работу над созданием точек роста благосостояния и процветания нашей державы.

В своих Майских указах президент России поставил перед нами амбициозные задачи по развитию российской экономики. Это создания и модернизация 25 млн высокопроизводственных рабочих мест к 2020 году; увеличение доли продукции

высокотехнологичных наукоемких отраслей экономики; ВВП в 1,3 раза; увеличение производительности труда в полтора раза к 2018 году относительно уровня 2011 года. Причем сделать это необходимо, опираясь на социально направленную политику, умножая человеческий капитал, как главное богатство России.

Понятно, что для достижения этих целей следует по-новому взглянуть на стратегию экономического развития страны. Разработка принципов стратегии экономического развития России до 2025 года проведена экспертами Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и России до 2025 года по поручению президента. Основная задача в срок до 30 мая 2017 года подготовить и утвердить комплексный план действий правительства Российской Федерации на 2017-2025 годы, в котором должны быть предусмотрены меры, обеспечивающие достижение не позднее 2019-2020 годов темпов роста экономики Российской Федерации, превышающих темпы роста мировой экономики.

Предлагаемые меры направлены на выравнивание условий конкуренции отечественных и зарубежных производителей, уменьшение общей налоговой нагрузки, снижение стоимости кредитов и энергоресурсов, развития и экспорта. Основная парадигма развития отечественной промышленности должна базироваться на диверсификации промышленности, на диверсификации экономики, приоритизации промышленного производства и сельского хозяйства в сторону обрабатывающего сектора.

И в заключении хочу сказать, что, конечно, представленная стратегия экономического развития России до 2025 года требует еще серьезного анализа и доработки с учетом поступающих предложений. Необходимо обратить внимание на возражения, которые так же имеют место. Разработанные принципы в дальнейшем будут обсуждаться во всех федеральных округах России с привлечением экспертов из сфер бизнеса и промышленности. Но в целом предлагаемая новая экономическая парадигма направлена на процветание России, реализующего человеческого потенциала, творческое созидание и счастливая жизнь для будущих поколений. Спасибо.

[01:20:05]

Константин Бабкин: Курочкин Дмитрий Николаевич, вице-президент Торгово-промышленной палаты.

Дмитрий Курочкин: Спасибо. Поскольку тема у нас, как добиться все-таки реализации потенциала, не хотелось бы, чтобы у нашей аудитории сложилось впечатление, что мы сидим и ждем, примет президент стратегию, не примет. А если примет, то чью, и так далее. Между тем, мы, естественно, не дожидаясь принятия стратегии, тем более в том виде, в котором мы ее подготовили, мы как ТПП России, участвуем наряду со всеми другими бизнес-объединениями в подготовке тех предложений, которые нам поручил подготовить президент.

Хотел бы сообщить, что на сегодняшний день такой план уже есть, и он передан. В нем, ни много, ни мало, 149 пунктов, если учитывать всю отраслевую проблематику. Поэтому недавно наше деловое объединение выделило 25 наиболее приоритетных. Я считаю, что

даже 25 для такого короткого выступления будет многовато. Я хотел бы остановиться, просто очень коротко перечислить те 10, которые, действительно, являются конкретными шагами к реализации практически нашей стратегии.

Люди старшего поколения помнят, наверно, про десять сталинских ударов. Надеемся, что если хотя бы половину из этого удалось реализовать, это был бы очень серьезный шаг вперед. Первый пункт. Разработка и принятие отдельного федерального закона, закрепляющего общие правила установления, взимания и регулирования неналоговых платежей. Все, наверно, знают, что помимо официальной налоговой нагрузки, которую у нас Минфин учитывает, как минимум, такая же нагрузка у нас существует в виде неналоговых платежей. Причем все это осуществляется путем включения в различные подзаконные акты различных фрагментарных инструкций, которые допускают совершенно разное толкование. Тема это очень важная, мы ее поднимаем, и, слава Богу, что она сдвинулась.

Конкретный пример. Все знают про систему «Платон», что автоперевозчики платят по ней в данный момент от 55 до 130 тысяч рублей в год на один автомобиль, пробе которого свыше 3 000 километров в месяц. Кстати, сама по себе сумма значительная, особенно для малого бизнеса. Здесь хотел бы заметить, что при обсуждении этого проекта постановления по «Платону», мы обсуждали его в формате оценки регулирующего воздействия, дали отрицательное заключение. Тем не менее, закон был принят, хотя сейчас об этом не вспоминают.

Почему я об этом говорю? Совсем недавно, вы знаете, состоялась встреча премьера с представителями малого, среднего бизнеса в сфере автоперевозок, по итогам которой вышло постановление правительства о том, что с 15 апреля нынешнего года вместо двукратной индексации тарифов стоимость повышается на 25%, и составит уже 1,9, а не 3,06. То есть это говорит о том, что ручное управление продолжается. И на наш взгляд, это плохой признак.

Второе. Разработка и принятие федерального закона об основах государственного регулирования цен и тарифов. Кстати, здесь мы тоже не можем не вспомнить. Ровно 10 лет назад, в 2007 году Торгово-промышленная палата провела первую всероссийскую конференцию на эту тему, где мы подробнейшим образом обсуждали, предлагали законопроекты, концепции и так далее. В общем, видимо, 10 лет – это некий такой закономерный лаг, в течение которого предложения предпринимательского сообщества доходят до нашего бюрократического аппарата. В 2004 году Примаков предложил концепцию государственной промышленной политики. В 2014 году соответствующий федеральный закон принят. И ряд можем продолжить. Эта десятилетка, она немножко уже даже так удивляет.

Третье, что мы предлагаем отдельно, – это проведение ревизии мер поддержки субъектов предпринимательства, включая институты развития. Их у нас, ни много, ни мало, 35, может быть, даже не все знают, что у нас их так много, и выделяется, по данным Счетной палаты, на их финансирование от 350 до 450 млрд рублей в год. При этом 30% остается не использованным на начало нового финансового года.

[01:25:12]

Нельзя сказать, что все из них работают не эффективно. Наоборот, такие, как, скажем, Фонд развития промышленности и руководство страны, предпринимательское сообщество считают как раз эффективными. Так вот, мы предлагаем все-таки пересмотреть, провести, что называется инвентаризацию, и разобраться, перераспределить те средства, которые выделяются.

Тогда перечислю. С учетом того, что у нас Валерий Карлович присутствует, совершенствование законотворческого процесса, опять-таки те законы о промышленной политике, о стратегическом планировании, которые, как вы знаете, тоже были подвешены на несколько лет, мы тоже предлагаем конкретные меры с тем, чтобы такие новеллы законодательные не вносились. То есть мы категорически против практики внесения ко второму чтению налоговых поправок, которые меняют концепцию первого чтения. Так было и с торговым сбором, так произошло с мораторием на проведение кадастровой стоимости недвижимого имущества до 2020 года, и так далее.

И, я думаю, за неимением большего времени, я хотел бы просто довести простую мысль, что та работа, которая проводится, она проводится ежедневно. И предпринимательское сообщество, не дожидаясь принятия или непринятия стратегии, уже предпринимает совершенно конкретные меры для того, чтобы стратегия была реализована здесь и сейчас. Спасибо.

Константин Бабкин: Мальцев Михаил Станиславович, исполнительный директор «Масложирового союза России».

Михаил Мальцев: На самом деле есть замечание по логистике к МГУ, интернет не работает, хотели сделать презентацию, даже почты нет, куда ее прислать. Как мне сказали: «Ну, это же МГУ, понимаешь!?!». Поэтому я коротко буду. У меня четыре таких крупных мазка. Первый, я хотел бы все-таки прокомментировать то обсуждение, которое было, различие подходов к стратегиям.

На самом деле обе стратегии преследуют одну, наверно, цель, – это достижение баланса макроэкономических показателей. И та стабильность, о которой говорил президент, она и там, и там. Другой вопрос, – на каких скоростях. То есть если одна стратегия предполагает замедление и достижение балансов, то другая подразумевает развитие скорости и достижения баланса определенной скорости. И здесь, конечно же, на больших скоростях риски выше, и пока убедить президента в том, что эти риски можно каким-то образом застраховать, не удалось.

Но мы поддерживаем, однозначно, стратегию разгона, если так можно сказать, потому что сегодня надо четко понимать, что если мы хотим расти, то нам надо больше тратить, больше ресурсов использовать, а не наоборот. Потому что достижение показателей балансов за счет того, что упал покупательский спрос, наверно, это не то, к чему мы стремимся, когда нам говорят, что мы на сегодняшний день выполняем ускоренными темпами доктрину продовольственной безопасности. За счет чего? Да потому что

покупать стали меньше. Потребление упало. А уже вроде как показатели выполняются. Это первый момент.

Второй момент, это тот дифференцированный подход к возмещению НДС по экспорту. Для нас это особо большая тема, и здесь мы, однозначно, это предложение поддерживаем. Мало того, это не тема регулирования экспорта сырья, а это тема компенсации тех проигрышей, которые есть даже уже сегодня. У нас, в частности, по условиям вступления в ВТО, конкретно по подсолнечнику, по нашей отрасли, диспаритет сегодня цен между сырьем и продуктами переработки, – подсолнечным маслом и шротом достигает 50 долларов на тонне подсолнечника. Почти 12 или 13%. Мы фактически стимулируем вывоз сырья. При этом, на минуточку, – загруженность мощностей 70%. То есть 25% резервов, о которых говорил Борис Юрьевич, у нас 30. Это только в переработке.

А теперь дальше о потенциале. Как реализовать потенциал. А у меня вопрос, – а какой потенциал у России? По сельскому хозяйству потенциал не посчитан. Потенциал в нашем понимании можно считать, исходя из ограничений средств производства. Для сельского хозяйства – это земля. Мы не берем транзитные модели, как у Турции, – купили по импорту, вывезли. А конкретно.

[01:30:03]

У нас есть земля. Кто посчитал, сколько эта земля может на сегодняшний день при ведении стабильного устойчивого сельского хозяйства, при полном воспроизводстве средств производства, давать и должна давать. Но вопрос не в этом. Я скажу. Сегодня у нас на гектар 250 долларов доходность. Украина – 350. Америка – 1250. Понятно, природно-климатические условия другие, но у нас, извините меня, и минеральная база другая, мы можем себе позволить многое. Поэтому здесь огромный потенциал. Но опять же, когда мы видим урожайность на одном поле 20 центнеров, а на другом, через дорогу, – 10, за счет чего? Да доступа к кредитам нет. Как получить высокую доходность? Надо больше тратить денег. Чтобы больше тратить денег, надо иметь к ним доступ.

А у нас сегодня мы задаем вопрос – почему у нас не выращиваются высокомаржинальные культуры? Да потому что они стоят в производстве дороже. И льготная ставка, – это, конечно, хороший инструмент. Но когда ты можешь получить 10% от потребности по этой льготной ставки, толку от нее на сегодняшний день, ну, и понятно, кто ее получает, да? То есть, кто имеет большие лоббистские ресурсы. Это нормально. Поэтому здесь главный критерий – надо дать больше денег экономике, чтобы на сегодняшний день экономика могла расти.

По поводу экспорта. Сразу мы сталкиваемся, говорим, давайте ориентироваться на экспорт. Здорово, ориентируемся на экспорт. Тогда давайте мы будем его стимулировать и демпинговать, потому что мы хотим занимать новые рынки. Без демпинга на новых рынках нас никто не ждет. Чтобы демпинговать, мы должны работать в убыток. Для этого нам нужно, чтобы государство проводило экспортную политику по компенсации этих убытков. Тогда мы также будем расти.

И такой завершающий момент. К экспорту надо подходить аккуратно. У нас на сегодняшний день в ряде отраслей импортоориентированная модель, когда у нас импортный паритет фактически формирует внутренние цены. Как только мы переходим к экспортноориентированной модели, у нас **nedbek** формирует экспортные внутренние цены. И на сегодняшний день не везде мы конкурентоспособны. Не надо стремиться к полной обеспеченности, в частности, в сельском хозяйстве. Нам надо остановиться, по рядок отраслей, где мы пока не конкурентоспособны по ряду причин, на 80%. На этом я хотел закончить. Спасибо.

Константин Бабкин: Записавшиеся закончились, можно три реплики с места по одной минуте. Виктор Григорьевич Шумеев, председатель комитета экономического собрания Московской области.

Виктор Шумеев: Я был на третьем форуме, четвертый пропустил, к сожалению. Безусловно, активность возросла, и это очень радует. Интерес возрос. Не знаю, может быть, накопело на душе уже у предпринимателей, производителей, жителей, преподавателей, которые сегодня тоже выступали. Все-таки нужно, чтобы это было как-то услышано нашим правительством, чтобы это не оставалось просто материалом для нас, для тех, кто и услышал это, и потом это прочитал. Много спорного, но во многом согласен. Очень важно, чтобы это услышали все остальные, те, кто равнодушен к судьбе нашей страны. Я думаю, что должны услышать нас, безусловно. Большое спасибо за организацию, за приглашение, за работу, за участие. Это здорово. Я думаю, что на следующем форуме мы будем говорить о более приятных вещах. Спасибо.

Сергей Кибальников: Я – Кибальников Сергей Владимирович, я доктор технических наук. Работаю в МГУ. И еще я являюсь генеральным директором ООО «Изобретатель». Мы сейчас здесь с моим коллегой, мы проанализировали экономику с точки зрения не с той стороны, как все видят, а с точки зрения потерь. То есть у нас в трубу улетает, в прошлом году вылетело 100 трлн рублей. Если мы 100 трлн рублей – это суммарные потери. При этом 60 трлн – это было ВВП, 16 трлн - бюджет. То есть идет речь вот о чем.

[01:35:16]

У нас огромные потери, прежде всего, за счет того, что у нас огромное количество посредников. То есть сегодня есть технология, которая уже работает. Она называется технология блокчейн, или база данных с распределенным реестром. Мы предлагаем сейчас конкретно русскую блокчейн-систему 3.0 работающую. Мы готовы ее заинтересованным людям.

Мужчина: Я хотел бы сказать, мы много участвуем в форумах и наблюдаем почти и на Гайдаровском, и на Питерском, Сочинском форуме, и здесь, разговоры о том, что все, в общем-то, все понимают, в чем в стране проблемы. А сдвигов нет. У меня предложение такое: давайте вокруг Константина Бабукина более конкретно объединяться, какую-то создавать рабочую группу. Для власти нужно некоторое давление. Цивилизованное. Не революция, а цивилизованное давление, чтобы оно слушало людей, потребности.

Нам нужна качественная продукция продовольствия, правильно? О чем говорит Константин? Убрать вот эти все смеси, или поставить на них штамп: «Это смесь». Потому что я покупаю для внука продукты, я готов тратить больше денег на это, но я хочу надежное. А приходишь, – там не понятно. Вот разделить. Хочет человек дешевое покупать, – пожалуйста, дешевое. А хочешь качественное, – вот качественное, оно на 10% дороже.

Константин Бабкин: Предложение понятно, спасибо большое.

Мужчина: Я хочу два слова сказать. Выходил изобретатель, доктор технических наук. Вы на одном листочке изложите идею, и я вам контакты дам, пришлите. Будем рассматривать. Спасибо. И это всех касается, если у кого-то есть идеи, только их нужно всегда излагать правильно и кратко, потому что с учеными мы часто общаемся, они умные ребята. Но очень долго объяснять. Спасибо.

Дмитрий Ермолаев: Здравствуйте. Ермолаев Дмитрий Сергеевич, вот как раз блокчейн разрабатываю. Но я сейчас по другому вопросу. Как раз про налоговую систему новую. Я предлагаю систему налоговую поменять на ускоряющую. И сменить совершенно парадигму. Убрать все налоги на труд, но повысить на имущество. Таким образом учитывать все будет очень просто, автоматически, и затраты даже на налоговую службу уменьшатся. Более развернуто могу рассказать в частном порядке.

Константин Бабкин: Уважаемые друзья, коллеги. Спасибо большое за интересные выступления. Надеюсь, работая мы приблизились...

[01:38:30] [Конец записи]